

Осудить или наградить?

21 августа 1963 годы в Ленинграде на Неву приземлился, вернее приводнился, пассажирский Ту-124, совершавший рейс из Таллина в Москву. На взлете, уже почти оторвавшись от полосы, самолет, видимо, задел передней стойкой шасси неизвестно откуда взявшийся камень. Самолет взлетел, но сесть нормально не мог. В таких случаях начинают летать, по кругу вырабатывать лишний керосин, опасный в случае аварийной посадки. И надо же такому случиться, что в аварийном самолете оказался неисправный топливомер. Он показывал 2,5 тонны горючего, когда в баках его уже почти не оставалось. Двигатели заглохли, самолет начал снижаться на оказавшийся под ним Ленинград.

С топливомерами такое случается. Через десятилетие, в середине 1970-х годов, по той же причине остался без горючего на своем вертолете американский пилот Гарри Пауэрс. 1 мая 1960 года он без царапин выбрался из своего У-2, сбитого советской ракетой над Челябинском, а тут погиб из-за ошибки топливомера во время рутинного полета над Лос-Анджелесом.

Пилотам Ту-124 повезло больше, вернее, они оказались лучше подготовленными, сделали нужный маневр, выбрали свободное пространство, в Ленинграде – это, естественно, Нева, и стали снижаться, а по сути, падать в скольжении. В Неву самолет плюхнулся сразу за Литейным мостом, чуть не наткнулся на буксир, волочивший за собой плот. Первый пилот, Виктор Мостовой, потянул ручку управления на себя, и не потерявший еще скорости самолет перепрыгнул через плот и опустился на воду. Он остановился, не доскользив пары десятков метров до бетонной опоры следующего моста. Капитан буксира, через который прыгнул Мостовой, отцепил плот, бросил трос в разбитое при маневрировании штурманское окно Ту-124 и причалил самолет к краю плота. Пассажиры вылезли на плот. Люди спаслись, а самолет затонул у самой кромки набережной.

Эффектное приземление самолета на Неву заснял оказавшийся там по совсем другому делу оператор Ленинградской киностудии Николай Виноградарский. Он снимал сюжет о строительстве железнодорожного моста, когда ему в видеоискатель попал глиссирующий и прыгающий по Неве Ту-124. Так эта фантастическая история получила визуальное подтверждение.

Происшествие закончилось счастливо для всех, кроме Мостового. Аэрофлот занялся «разбором полета», вину свалили на пилота. Но история получила резонанс. Узнав о такой вопиющей несправедливости, спасенные пассажиры в конце лета следующего, 1964 года, – дело тянулось достаточно долго, – написали письмо Хрущеву. Тот вызвал «на ковер» начальника Гражданского воздушного флота⁸⁸ маршала Евгения Логинова, и они «хорошо» поговорили. В результате экипаж самолета решили не наказывать, а наградить, Мостового представили к ордену Боевого Красного Знамени.

⁸⁸ В августе 1964 года Главное управление гражданского воздушного флота преобразовали в Министерство гражданской авиации. Логинов стал в нем министром.

Но Мостовому не повезло, в октябре отца отправили на пенсию, и в Министерстве гражданской авиации «волюнтаристское» решение о награждении экипажа самолета Ту-124 «за проявленное геройство и находчивость» положили под сукно. Слава богу, что разбирательства их «дела» не возобновляли. Экипаж продолжал летать.

Происшествие с Ту-124 не единично. Не только в авиации, но и в армии, и на флоте за всякое упущение, не говоря уже об аварии, строго спрашивают с командира, не очень разбираясь, мог он повлиять на ход событий или нет. В этом есть своя суровая логика: на то он и поставлен, чтобы не допускать нештатных ситуаций.

4 июля 1961 года на первой советской атомной ракетной подводной лодке К-19 проекта 658 через девятнадцать месяцев после вступления в строй из-за постоянной вибрации растрескалась сварка труб контура охлаждения реактора, потекла радиоактивная вода. Реактору грозил перегрев, а в худшем случае он мог вообще развалиться на куски. Командир послал в зону смертельной радиации сварщиков. Аварию ликвидировали, но четырнадцать человек погибло. Командира решили судить за аварию и за гибель членов экипажа. Как рассказывали мне моряки, дело и тут дошло до Хрущева.

Говорят, что, узнав о судебном разбирательстве, он возмутился, строго выговорил адмиралу Горшкову. В результате дело об аварии на К-19 переквалифицировали из преступления в подвиг, командира секретным указом наградили орденом Боевого Красного Знамени, ордена меньшего достоинства дали другим офицерам, матросы получили медали. Но все это исключения из правил – следствие вмешательства штатских, в данном случае отца, в дела военные.

Аварии на флоте происходили и после его отставки. Их ликвидировали, как могли, часто при этом гибли люди. Но подвигом это не объявляли и никого больше не награждали. Командиров предупреждали о неполном служебном соответствии, а то и просто изгоняли из флота. Так проще и понятнее: меры приняты, вопрос закрыт... До следующей аварии.

День за днем

24 июля 1963 года отец проводит в Москве совещание первых секретарей правящих партий стран Совета экономической взаимопомощи и Варшавского договора. Речь идет не столько об отношениях с Китаем, но главным образом о кооперации и специализации, экономическом взаимодействии. По мысли отца, экономика наших стран должна интегрироваться, со временем превратиться в единую наднациональную экономику, в которой каждая из стран найдет свое место. Еще раз договорились подумать, подготовить необходимые документы и затем принять решение. Примут его уже без отца.

20 августа 1963 года «Нью-Йорк Таймс» отмечает, что жизнь в Москве этим летом, несмотря на неурожай, стала лучше. В магазинах больше товаров, да и дышится легче, «особенно интеллигенции», – подчеркивает ее корреспондент.

22 августа 1963 года на Спасской башне после реставрации снова зазвучали Кремлевские куранты.

По возвращении из Югославии, 5 сентября 1963 года, отец едет в Сокольники открывать Болгарскую выставку.

11 сентября отец посещает НИИ сельскохозяйственного машиностроения Нечерноземья.

14 сентября 1963 года газеты сообщили о строительстве в Белоруссии, в Гродно, азотно-тукового завода химических удобрений.

16 сентября отец улетает в Волгоград. В прошлом году он сократил поездки в регионы до минимума, но в Москве ему не сидится, не хватает информации – лучше один раз увидеть, чем перечитывать горы порой весьма сомнительных бумаг. Он объезжает поля, на организованных и импровизированных встречах говорит об удобрениях, об ирригации, о дешевом (в будущем) кубанском и донском рисе, о дождевальных машинах, которые на его памяти испытывают уже тридцать лет и никак не испытают.

На следующее утро отец осматривает Волжскую ГЭС. Оттуда едет на строительство завода синтетического каучука.

18 сентября отец в Астрахани. Там обсуждают возможность строительства целлюлозно-бумажного комбината, использующего в качестве сырья не древесину с тряпками, а местный камыш. Обсуждают с 1961 года, одни специалисты за, другие – категорически против. А комбинат уже начали строить. Отец предлагает, пока спорят о целлюлозе из камыша, начать производить на нем бумагу из древесины быстрорастущих тополей, так поступают в безлесной Италии... «Тополю требуется много воды и тепла, а всего этого в дельте Волги в избытке, а там и о камыше наконец-то договорятся», – подводит он итог обсуждению.

Затем переходят к перспективам запланированного уже строительства Нижневолжской ГЭС мощностью 2,5 миллиона киловатт. Энергетики настаивают, но и возражающих немало. Чтобы сохранить от затопления земли Волго-Ахтубинской поймы, придется насыпать вдоль берега 400-километровую дамбу, работа стоимостью почти в миллиард рублей.

– А не лучше ли этот миллиард вложить в освоение 600 тысяч гектаров поливных земель Нижнего Поволжья, пустить на орошение 2 миллионов гектаров в другом месте, не требующем столь грандиозных земляных работ, – сомневается отец. – Нам надо найти разумное решение, и не только по этому вопросу. Мы собираемся развернуть на базе волжских электростанций энергоемкое алюминиевое производство. А не выгоднее ли экономически перенести в восточные районы, на Ангару и Енисей?

Договорились горячку не пороть, еще раз вернуться ко всему кругу проблем. В результате Нижневолжскую ГЭС строить так и не начали. Алюминиевые заводы соорудили уже после отца, но в Братске и под Красноярском.

После совещания отец исчезает из поля зрения. Сентябрь – разгар охотничьего сезона на водоплавающую птицу, и отец, страстный охотник, не может отказать себе в таком удовольствии.

25 сентября 1963 года он, в сопровождении главы правительства РСФСР Геннадия Ивановича Воронова, появляется в Краснодаре. На слуху те же темы: удобрения и ирригация.

«Под одно только зерно нужно 40 миллионов тонн удобрений, на их производство уйдет 1,7 миллиарда рублей, – говорит отец в одном из выступлений. – У плановиков руки дрожат при мысли, что на сельскохозяйственную химию придется выделить такие огромные средства». Плановиков отец обещал уломать.

Из Краснодара отец перебирается на Кубань и затем на юг Украины, в Новую Каховку. В этом году она, как и вся округа, пострадала от засухи,

с весны не выпало ни капли дождя. Тема разговоров все та же: удобрения, ирригация, хозрасчет. Перед принятием дорогостоящего решения отец собирает людей сведущих и в ирригации, и в растениеводстве. Отец сам не выступает, зато задает множество вопросов.

Рекогносцировку, объезд территорий, где вскоре предстоит проложить каналы, начать обводнение полей, отец завершает 30 сентября 1963 года в Херсоне. В тот день на юге Украины выпадает первый за все лето и осень дождь. Присутствующие говорят – к добру.

Отец удовлетворен. Из Херсона он уезжает в Крым, в Ливадию, немного отдохнуть, туда 14 октября приглашает украинское руководство, снова ученых-мелиораторов, они подробно обсуждают планы орошения Крыма и Причерноморья.

17 октября 1963 года отец едет на открытие первой очереди Северокрымского канала, Каховка – Перекоп. Поездка в Перекоп – не столько работа, сколько праздник, в 1963 году ему ох как не хватает положительных эмоций. И он их получает сполна. И погода наконец-то радует. Весь Крым и юг Украины обложили затяжные дожди, озимые напильсь – вволю. Но до урожая 1964 года еще далеко...

Намеченному на декабрь Пленуму ЦК еще только предстоит принять программу производства удобрений, но газетчики уже наперебой сообщают о строительстве самого большого в Европе фосфоритного завода в Кингисеппе, в Эстонии, азотно-тукового завода в Кемерове, о «большой химии» Грузии, о гигантском Березниковском химическом комбинате.

3 ноября 1963 года в Доме приемов на Ленинских горах – свадьба космонавтов Валентины Терешковой и Андриана Николаева. По случаю бракосочетания главный конструктор Сергей Павлович Королев пригласил на торжество Никиту Сергеевича. В результате решили свадьбу устроить на государственном уровне, а расходы отнести на счет казны. Я тоже затесался в число приглашенных.

Молодые в окружении практически им незнакомых «протокольных» гостей чувствовали себя скованными. Гости же веселились от души. Климент Ворошилов соревновался с отцом в провозглашении тостов. Валентина и Андриан смущенно улыбались в ответ. Наконец именитые гости уgomонились и отпустили виновников торжества догуливать, точнее по-настоящему праздновать свадьбу, в Звездный городок. На следующий день «Правда» на первой странице поместила фотографию новобрачных. По истечении года у «космической» пары родился «космический» младенец. Через несколько лет они разошлись.

6 ноября 1963 года отец принимает в Кремле американских бизнесменов, руководителей двадцати компаний, очень крупных, просто крупных и некрупных. Как сказали бы сейчас, эта встреча – свидетельство роста инвестиционной привлекательности Советского Союза.

12 ноября 1963 года отец в Киеве, но не в самом городе, а на даче над Днепром в Валках готовится к докладу на декабрьском Пленуме ЦК. Он не знает, что этим докладом в предпоследний год своего пребывания у власти он не только намечает планы на будущее, но и подводит итоги своей политической карьеры. И хорошо, что не знает. Напомню, что Пленум откроется 9 декабря 1963 года, но все, что хотел, я о нем уже написал.

Конечно, полностью изолироваться от Москвы, от внешнего мира не удастся, почта из Москвы поступает регулярно, но посетителей он почти не принимает. Делает исключение только для Абдуллы Насутиона, министра обороны Индонезии, второго по значимости человека в своей стране, и министра иностранных дел Дании Пера Хеккерупа. Данию он собирался вскоре посетить с официальным визитом.

20 ноября вечером отец отбывает поездом в Москву.

Вечером 22 ноября ему позвонил министр иностранных дел Громыко и сообщил о трагедии в США: убит президент Джон Кеннеди. На следующий день отец едет в Американское посольство выразить соболезнование.

18 декабря отец посещает на ВДНХ экспозицию нетканых материалов, наших и зарубежных. Он читал о новой многообещающей технологии, а теперь получил возможность увидеть своими глазами. Посмотрел, одобрил.

18 декабря 1963 года африканские студенты подрались на Красной площади со своими российскими «друзьями». Один ганец – убит.

А вот приятная новость. В тот же день, 18 декабря нефтепровод «Дружба» дотянули до немецкого города Шведт, а в Таджикистане проложили 120-километровый газопровод из Кзыл-Кумшук в столицу республики Душанбе.

Днем 28 декабря 1963 года отец снова едет на ВДНХ, осматривает экспозицию «Пластмассы в судостроении», образцы шин на базе современного «вечного» корда из синтетических нитей, пластмассовые трубы для водопровода и канализации, идущие на смену стальным и чугунным, объемную синтетическую пряжу. Все это – воплощение новых, с таким трудом пробитых через госплановскую бюрократию, технологий.

Вечером того же дня отец в Кремлевском дворце съездов слушает оперу Сергея Прокофьева «Любовь к трем апельсинам» в постановке Литовского театра оперы и балета. В Москве ее никогда не ставили, отец ее раньше не слышал и теперь не хотел пропустить редкий спектакль.